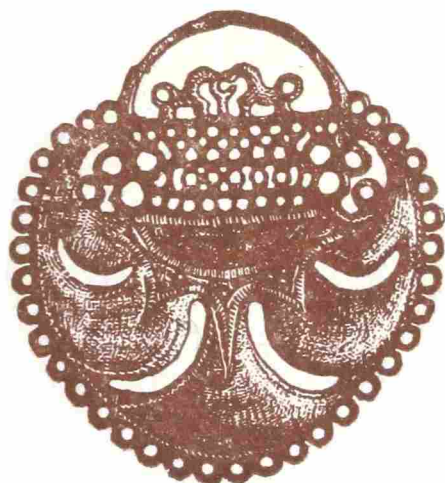

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1
1983

ПУГАЧЕНКОВА Г. А.

ИШТИХАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ

(некоторые итоги исследований 1979 г.)

Иштиханский административный район Самаркандской области занимает среднюю часть Мианкаля (как именовался уже в средневековые острова, образованный западнее Самарканда раздвоением Зеравшана на два русла — Акдарью и Карадарью, сливающихся близ Хатырчи) и простирается севернее Акдарьи вплоть до той горной гряды, которая в средние века носила название Сагардж. Область Иштихан неоднократно упоминается в средневековых источниках. Размеры ее определялись в пять дней пути по длине и один день в ширину, т. е. около 150 км с востока на запад и 30 км с юга на север, уходя за Акдарью до предгорий [1, с. 147]. Ныне основное богатство края — сельское хозяйство: поля, сады, виноградники, а в предгорной зоне — скотоводство. Таковым оно было, в силу естественно-природных условий, с давних времен.

Археологическое изучение Иштихана было начато Узбекистанской искусствоведческой экспедицией в 60-х годах [2, 3] и возобновлено после длительного перерыва в последние годы. В 1979 г. экспедиционная группа в составе Г. А. Пугаченковой, В. А. Карасева и С. А. Савчука произвела обследование археологических памятников на всей территории Иштиханского района. Разведки эти были связаны как с давно уже интересующей нас проблемой мианкальского Согда, так и с работой над «Сводом памятников культуры Узбекистана» и задачами республиканского Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана по уточнению охраняемых списков.

За последние годы многое здесь ушло под распашку, тем не менее по району зафиксировано 85 археологических памятников. Предварительные археологические определения их сделаны по подъемному материалу, но далеко не везде, поскольку многие тепе, занятые старинными кладбищами, поросли непроходимой колючкой.

Памятников ранее античной поры пока нами не зафиксировано. Мы не исключаем возможности их обнаружения в горной черте; что же касается долинной зоны, то очень пониженное расположение, сильные разливы и блуждающие русла обеих рек — все это сделало ее освоение возможным лишь при хорошо налаженной ирригационной системе. Иначе, как это имело место еще в дореволюционное время, угрожало образование болот и постоянная опасность наводнений. Вместе с тем плодородие почвы и изобилие воды уже издавна не могли не привлечь земледельческого населения к освоению этих земель.

Для античного времени пока зафиксировано два пункта, но, вероятно, есть и другие, перекрытые более поздними наслоениями. Оба расположены севернее Акдарьи. Один из них — Алпамыш-тепе — на землях колхоза им. Ахунбабаева, у кишлака Мангыт. Тепе было недавно повергнуто бульдозером, так как на нем предполагалось соорудить новое здание. План прямоугольный (80×60 м), высота 3—3,5 м, но прежде в юго-восточном углу было заметное всхолмление. На поверхности нами была собрана керамика, в основном античного типа: тонкостенные красноангобированные фрагменты, среди которых стенки и ножки бокалов (некоторые с лощением), горловина кувшина. Найдены также кусочки привозной перламутровой раковины, пряслица, небольшая зернотерка. Вместе с тем попадались и раннесредневековые фрагменты: стенка хума с бурными потеками, петельчатые ручки. Для проверки стратиграфии

примерно у середины северного края тепе был осуществлен разведочный раскоп (15×13 м) и здесь же заложено два стратиграфических шурфа. Раскопки показали следующее.

В основании памятника лежит комплекс построек или же единое многокомнатное здание. Оно охвачено толстой стеной, сложенной из пахсы, с заметным скосом внешней грани; внутренние стены также пахсовые. Фрагменты античной красноангобированной керамики (в частности, донца кубков, тонкостенные закраины) определяют датировку этих нижних строений первыми веками нашей эры (может быть, и несколько ранее). Затем комплекс приходит в упадок, и над руинами его разрушенных стен и заполненных глиной помещений осуществляется нивелировка и возводятся новые строения. Судя по сохранности нижних стен всего до 2,5 м (а первоначально строения были почти вдвое выше), период упадка был длительным.

От новой застройки на нашей раскопной площадке сохранились остатки стен, сложенных из прямоугольного сырца (размеры которого варьируют от 52×22×8 до 48×26×8 см), сохранившихся после современной нивелировки холма до 40–50 см по высоте. Помимо стен в раскоп попала часть коридора (ширина 1,3 м) с глинобитным полом, суфа и на ней небольшой прямоугольный очаг. В составе находок — крупные зернотерки и многочисленные фрагменты грубоватой толстостенной керамики, в основном от хумов и больших кувшинов, на стенках которых нередко потеки бурой краски. Формы и фактура керамики характерны для VI–VII вв.; уточнение датировки дают также прямоугольный формат сырца и медная согдийская монетка с квадратным отверстием. Материалов более поздних ни на тепе, ни вокруг него не обнаружено.

Второй объект — Курган-Тепе значительно крупнее. Он находится в предгорной зоне у кишлака Орлат, на берегу р. Саганак. Здесь выделяется мощная цитадель (около 65×85 м поверху, до 120×180 м внизу), обведенная широким рвом, над которым она возвышается до 18 м. Цитадель расположена в центре города, охваченного крепостными стенами (300×300 м) с башнями на углах и тремя промежуточными по фасу каждой стены. С юго-запада еще часть городской территории обведена крепостными стенами; при этом размеры города в поперечнике достигают почти 600 м. Внутри городских стен и за их пределами высятся слитные всхолмления. Они воспринимались как естественные, тем более что напротив Саганака начинается горная гряда. Между тем разрезы, осуществленные бульдозерами при прокладке через городище совхозных дорог, показали, что в действительности это мощные культурные слои (до 4–5 м и более), глина которых содержит сверху донизу остатки пахсы и сырца, фрагменты керамики, кости, зольники и т. п.

В составе керамики, извлеченной из этих разрезов, а также собранной на склонах цитадели, — тонкостенные и толстостенные красноангобированные фрагменты очень плотного черепка, некоторые с лощением, среди характерных форм — бокалы на полых конических ножках. Весь керамический комплекс типичен для согдийской античности: хорошо представлен, например, в слоях Афрасиаба первых веков до и после начала нашей эры.

Таким образом, Курган-Тепе — это крупный город античного времени. Лишь местами здесь встречаются черепки VI–VIII и XV–XVI вв.

Интенсивное освоение Иштиханского района, как и всего Мианкаля, относится к раннему средневековью (VI–VII вв.). По-видимому, связано это было с изменением социальной структуры, распадом страны на множество феодальных владений, когда происходит сосредоточение жизни в сельских районах, при замках крупных и мелких владетелей-дихкан. До половины обследованных нами памятников возникло именно в этот период, причем значительная часть их к VIII в. прекратила свое существование, вероятно, вследствие арабского завоевания и изменения политической системы при централизованной власти халифата. В большинстве это так называемые «тепе с площадкой»: очень высокий бугор бывшего кешка со шлейфом примыкающего к нему компактно заостренного поса-

да. В тех случаях, когда тепе не занято кладбищем, шлейф снесен под распахку и в обрезе видно, что кешк покоится на высокой (до 4—5 м) насыпной глинобитной платформе, которая пока и спасает его от разрушения. Строительный материал в обрезах — блочная пахса и крупный прямоугольный сырец. Керамика безглазурная, характерная для Самаркандского Согда VI—VIII вв.

Приведем в качестве примера два крупных памятника этой группы. **Ак-Тепе** у одноименного селения в колхозе им. Ленина сильно повреждено, особенно с южной и западной стороны, где берут глину. Основное тепе продолговатое в плане (внизу 84×62 м,верху 66×40 м при высоте до 10 м). Вокруг него — остатки поселения, простирающиеся в северном направлении до 90 м. По рассказам жителей, к северу от Ак-Тепе некогда располагалось озеро; следы его с каменистым дном видны и сейчас, откуда в направлении к городищу поступала вода. А наверху главного тепе был колодец — контуры его видны в обрезе. Верхние сооружения располагались на высоком глиняном основании, частью естественном, частью насыпном. Строительный материал в обрезах — пахса, но, по словам местной жительницы,верху здесь расчищались кладки из крупного продолговатого сырцового кирпича. Подъемный керамический материал VI—VIII вв. — преимущественно фрагменты хозяйственной утвари ручной лепки с дресвой в черепке и черным перекалом в изломе и фрагменты станковой светлоангобированной керамики, нередко с потеками черной краски.

Сугат-Тепе (или Овлияти-Тепе) в колхозе Ильича — крупное, подквадратное в плане (внизу около 60×60 м,верху 40×40 м при высоте 12—15 м); с южной стороны от него частично сохранился шлейф. Ориентировка по странам света. С двух сторон здесь еще недавно брали глину на выжиг кирпича. Хорошо видно, что при возведении строений использовали высокий лёссовый останец; на одном участке его на высоте 2 м от современной подошвы залегает полутораметровая по ширине линза галечника, очевидно, ложе древнего протока. Над естественными же лёссовыми отложениями видны массивы пахсы и кое-где сырцовых кладок, спрессовавшихся в монолит (размер сырца $38 \times 23 \times (10-11)$ см). Керамика из обрезов и из сборов безглазурная, с характерными для VI—VII вв. формами фигурно профилированных закраин, обычно светлоангобированная, иногда с красно-бурыми потеками краски. Найдены кусок жженого кирпича-маломерка (? $\times 15 \times 2$ см), половина каменного ручного жернова (диаметр 35 см при толщине 5—6 см).

Археологических памятников периода мусульманского средневековья зарегистрировано около 20. Датируются они в основном IX—XII вв., после чего жизнь на большинстве из них обрывается, несомненно, в связи с событиями монгольского нашествия в начале XIII в. Число памятников не столь уж значительное, если вспомнить, что арабо-персидскими авторами Иштихан характеризуется как густо заселенная и возделанная область. Кажущееся противоречие археологических и исторических данных мы объясняем тем, что, в отличие от системы раннесредневековых сельских поселений, в IX—XII вв. они имели не компактный, а в основном рассредоточенный характер, в виде ли усадеб с прилежащим земельным участком или же домов бедняков-испольщиков, возделывающих земли феодалов. Те и другие, придя в упадок, не могли бы оставить значительного культурного слоя и потому ушли под распахку колхозных полей, где повсеместно попадаются фрагменты глазурованной и безглазурной керамики этого периода. Сохранились в основном археологические остатки городов или крупных селений, развивающихся на месте бывшего доарабского кешка либо примыкавшего к нему посада и накопивших за время длительного сосуществования значительные культурные слои.

В письменных источниках в области Иштихана упоминается девять пунктов (не уточнено — городов или значительных селений), а именно: сам Иштихан, Сагардж, Бинкет, Гуредж, Завар, Заз, Наукедек, Растагфер, Хайдештер [1, с. 174—181]; но лишь о двух первых известно, что Иштихан располагался в семи фарсах от Самарканда, а Сагардж — в пяти

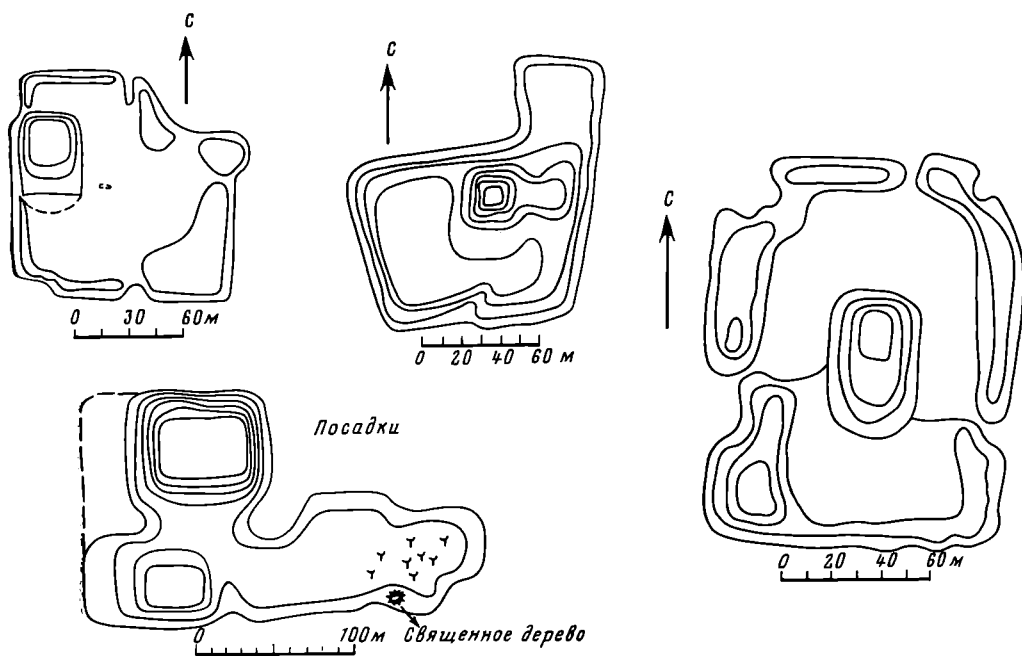

Рис. 1. Планы средневековых городищ Иштиханской области: а — Рабат-Тепе; б — Мазарат-Тепе; в — Чамбил-Тепе; г — Аул-Тепе

(очевидно, близ одноименной горной гряды) [1, с. 146, 147]. Что же касается остальных, какие-либо уточнения в отношении их положения или расстояний отсутствуют, что затрудняет возможность их отождествления с выявленными нашей экспедицией средневековыми археологическими пунктами городского типа. В числе их следующие.

Рабат-Тепе у кишлака Мехнат-Рахат (рис. 1, а). Подквадратное в плане (125×120), обведено обвалованными стенами с двумя въездами, со шлейфами с северной и южной сторон. У восточного фаса возвышающееся тепе со шлейфом (вверху 22×22 м, внизу 60×30 м, в высоту до 10 м), с крутыми скосами и отлогим спуском в южном направлении. Тепе сильно задерновано, фрагменты керамики в основном безглазурные и единичные глазурованные.

Мазарат-Тепе (рис. 1, б) у кишлака Хазарбаба — крупное городище, частично уже скрытое в северо-западной и северо-восточной части и в большей части занятое могилами старого кладбища. Размеры 230×130 м. В северном отделе — высокое, плоское поверху прямоугольное тепе (50×35 м вверху, 80×60 м у подошвы, высота до 10 м). В юго-западной части возвышаются до 4 м от подошвы остатки какого-то прямоугольного здания (45×35 м). Подъемного материала среди сплошных зарослей колючки нет, но в северо-западном отделе, скрытом бульдозером, виден культурный слой до 2,5 м, с большим числом керамических фрагментов и ржавыми пятнами органических остатков. На одном из участков нами извлечены куски грубых лепных горшков, покрытых красноватым ангобом, а также кувшинов, изготовленных на круге, на одном — потеки красно-бурой краски. Лишь в верхнем горизонте попадаются черепки глазурованной керамики X—XI и XV—XVI вв. Мазарт-Тепе слагался в VI—VII вв. у подножия мощного доарабского кешка и существовал с перерывами в последующие века.

Чамбил-Тепе (рис. 1, в) у кишлака Чамбил — прямоугольное в плане (180×120 м), ориентированное по странам света, охвачено оплывшими стенами, примерно в центре высится цитадель (60×30 м; высота 8 м). Многочисленны фрагменты глазурованной и безглазурной керамики X—XII вв., которые попадают и за пределами стен. В юго-западном отделе — могилы позднего кладбища.

Аул-Тепе (рис. 1, г) у кишлака Ахман-аул — раннесредневековое селение с возвышенным кешком (65×45 м при высоте до 8 м) и трапе-

циевидным посадом, охваченным стенами; в обресе у основания его зачищены сырцовые кирпичи ($39 \times 27 \times 10$ см). Со временем с северо-востока появляется дополнительный прямоугольный отдел (45×30 м). Подъемная керамика безглазурная, но этот раннесредневековый в своей основе пункт, видимо, существовал и в послеарабское время.

Вопрос о местонахождении средневекового Иштихана был поставлен нашей экспедицией еще в 60-х годах, при первых рекогносцировках Мианкаля. Обследование Иштихан-Тепе в современном райцентре тогда поставило под сомнение его отождествление с главным городом средневековой области, поскольку этому, казалось бы, не отвечало его расстояние от Самарканда. Нынешний Иштихан лежит в 60 км от Самарканда, согласно же письменным источникам, Иштихан находился от него в семи фарсах. Если принять вслед за В. В. Бартольдом 1 фарсах = 3 мили [1, с. 128] или 6 км [4, с. 47; 5, с. 34], получится всего 42 км.

Между тем средневековый фарсах отнюдь не имел единого стандарта, но варьировал в разных историко-культурных областях. Для интересующего нас региона фарсах определяется достаточно точно благодаря следующим данным. Согласно арабским дорожникам, главный путь из Самарканда на Бухару, который Ибн-Хаукаль называет «Большой Хорасанской дорогой» [6, с. 19], шел не через Мианкаль, но по южную сторону Карадарьи. Первой крупной станцией здесь был Зерман, в семи фарсах от Самарканда, и далее в пяти или, по другим данным, в шести фарсах — Арбинджан, т. е. общий отрезок от Самарканда до Арбинджана равнялся 12 или 13 фарсам. Местоположение же Арбинджана (городище Рабинджан) установлено абсолютно точно [7, с. 157, сл.], а до него по прямой (хотя путь, конечно, и не был идеально прямым) — около 100 км. Таким образом, местный фарсах был равен примерно 8 км, и, следовательно, средневековый Иштихан располагался в отрезке 50—60 км от Самарканда. В этом интервале лежит лишь два значительных городища — Иштихан-Тепе и Арк-Тепе (или Шагим-Тепе) на границе Иштиханского и Пайарыкского районов. Последнее было обследовано еще в 1962 г. Б. А. Тургуновым [3], который, исходя из более крупных по сравнению с Иштихан-Тепе размеров городища, наличия цитадели, шахристана и простирающегося за его стенами рабада, считал возможным отождествлять со средневековым Иштиханом именно Арк-Тепе. Однако Арк-Тепе находится не на Мианкале, а севернее Акдарьи.

В полвном сезоне 1979 г. мы сочли нужным внимательно обследовать Иштихан-Тепе, так как современная застройка и прокладка дорог все более наступают на городище, основное же тепе отведено под городское кладбище, обведенное глухой оградой, которое все больше заполняют новые могилы.

Основная часть Иштихан-Тепе представляет археологический тип «тепе с площадкой» (рис. 2). Возвышенная южная часть высотой до 10 м имеет крутые скаты, но в микрорельефе не видно ограждающих стен, которые позволили бы считать ее цитаделью. Прилежащая «площадка» имеет засваленный контур. В начале 60-х годов еще существовала внешняя северо-западная стена шахристана длиной до 85 м и ее юго-западный поворот; ныне здесь все застроено. Подъемный материал на городище от VI—VII до XII в. — керамика, жженные квадратные кирпичи, фрагменты средневекового стекла, средневековые монеты.

Для выяснения стратиграфии средневекового города нами было заложено два стратиграфических шурфа: один в шахристане на северном склоне в обресе, образованном при прокладке дороги к нефтебазе (шурф Иш. С), а другой — вне шахристана, в 250 м к югу от главного тепе, где вырыт котлован под современное здание (шурф Иш. Ю).

В шурфе Иш. С (рис. 3) под дерновым слоем следует на 1,5 м рыхловатый завал глины, включающий средневековый материал: куски жженных кирпичей, фрагменты стекла и изобилие безглазурной и глазурованной керамики, представляющей провинциальные варианты афрасиабской керамики X—XI вв. [8] — зеленая, трехцветная, пятнистая, белофонная с росписью черного, красного, фиашкового цветов, чернофонная с рос-

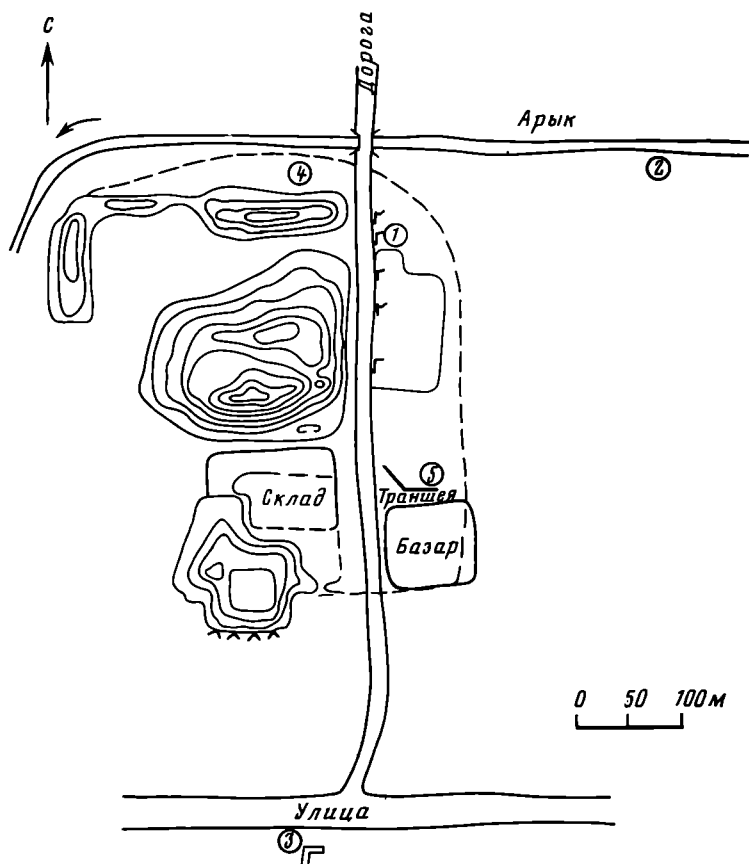

Рис. 2. Иштихан-Тепе. План: 1 — могилы IX—X вв.; 2 — оссуарный могильник; 3 — шурф Иш. Ю; 4 — шурф Иш. С; 5 — шурф с кирпичным полом

писью белым, краснофонная с росписью белым и черным. На глубине 2 м оказался уровень пола и пахсовая стенка, сохранившаяся в высоту до 80 см. Ниже пола следовал плотный слой глины с фрагментами глазурованной керамики IX в. (а может быть, еще и VIII в., судя по единичным черепкам с ишкорной поливой и расплывшимся зеленоватым орнаментом), но преимущественно безглазурной. Далее — материк.

В шурфе (скорее даже стратиграфическом разрезе по всей длине котлована) Иш. Ю на глубине 70 см от дневной поверхности обнаружены остатки здания с пахсовыми стенами и отмосткой пола в два-три ряда жженого кирпича, под который подведена галечная забутовка. Кирпич прямоугольный, в большинстве тонкоплиточный, размеры его $30 \times 15 \times 2,8-3,5$ см, есть также $34 \times 17 \times 5$ см и очень крупный экземпляр $49 \times 49 \times 6$ см (сочетание подобных крупноразмерных кирпичей и тонкоплиточных, но квадратных известно в мавзолее Саманидов). Здание подстилает плотный забутовочный слой глины с включением фрагментов керамики и кусков кирпичей. В северном участке под пол уходит круглый спуск (диаметр 30 см), обложенный половинками кирпичей-маломерков, под которым оказалась мусорная яма глубиной до 80 см. Таким образом, дом с кирпичным полом возводился на каком-то ранее обжитом участке. Позднее над руинами этого дома, когда над его полом накопился слой надувной и комковатой глины, была возведена какая-то новая постройка из сырца ($38 \times ? \times 8$ см). Потом разрушается и она.

Шурф дал комплекс керамики археологически восстанавливаемых форм, в основном X в. Состав ее под и над кирпичным полом типологически близок — очевидно, горизонты до и после строительства дома отделены интервалом в несколько десятилетий, причем оба восходят к саманидской эпохе.

В недавно созданном Иштиханском колхозном музее мы ознакомились с археологическими находками, собранными в разных участках к югу

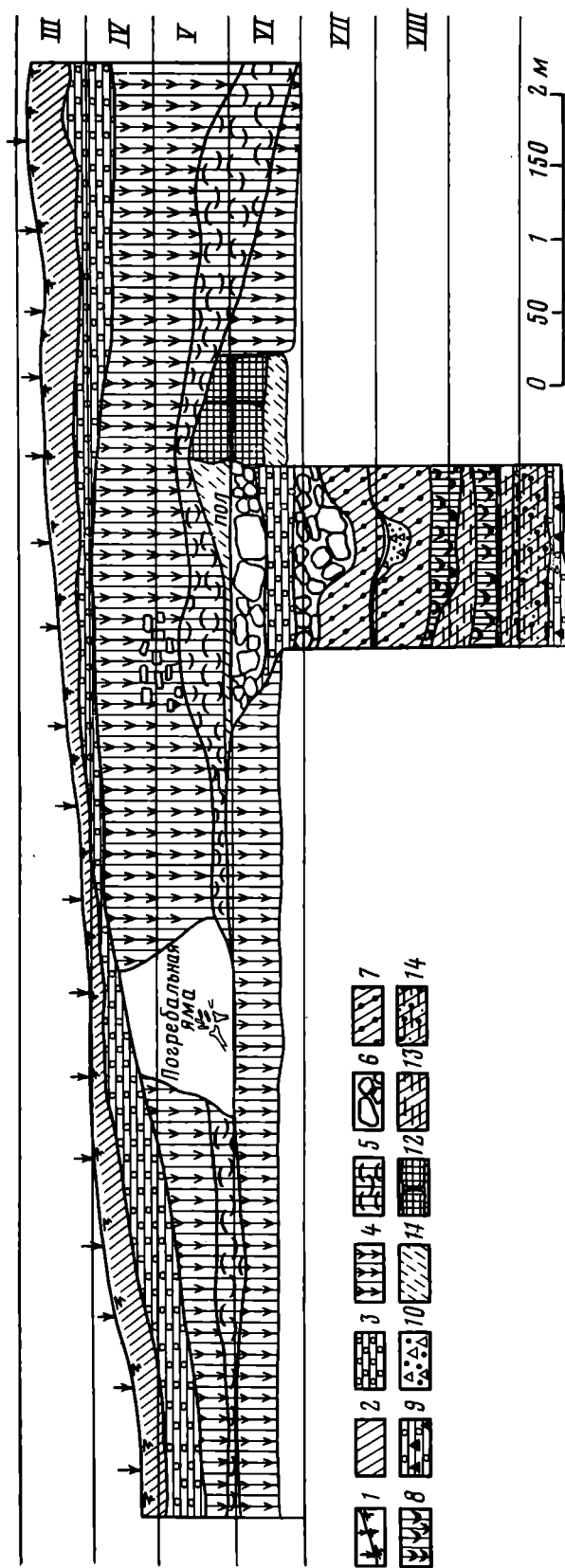

Рис. 3. Иштихан-Тепе. Разрез и шурф (Ишт. С.) в северной части шахрыстана; 1 — дневная поверхность; 2 — дерновый слой земли с включениями керамики; 3 — плотный слой серой глины с мелким галечником; 4 — слой серой глины с большим количеством керамики X—XI вв.; 5 — рыхлый слой глины с керамикой и костями животных; 6 — сырецый битый кирпич; 7 — светлый слой комковатой глины, насыщенный фрагментами цветной штукатурки; 8 — рыхлый слой с большим содержанием золы, обуглившихся костей и комковатой глины; 9 — слой, насыщенный галечником и отдельными фрагментами керамики и костей; 11 — плотный слой коричневой глины; 12 — пахса; 13 — плотный глинистый слой зеленовато-серого цвета; 14 — плотный слой зеленого-серого цвета с включениями угля

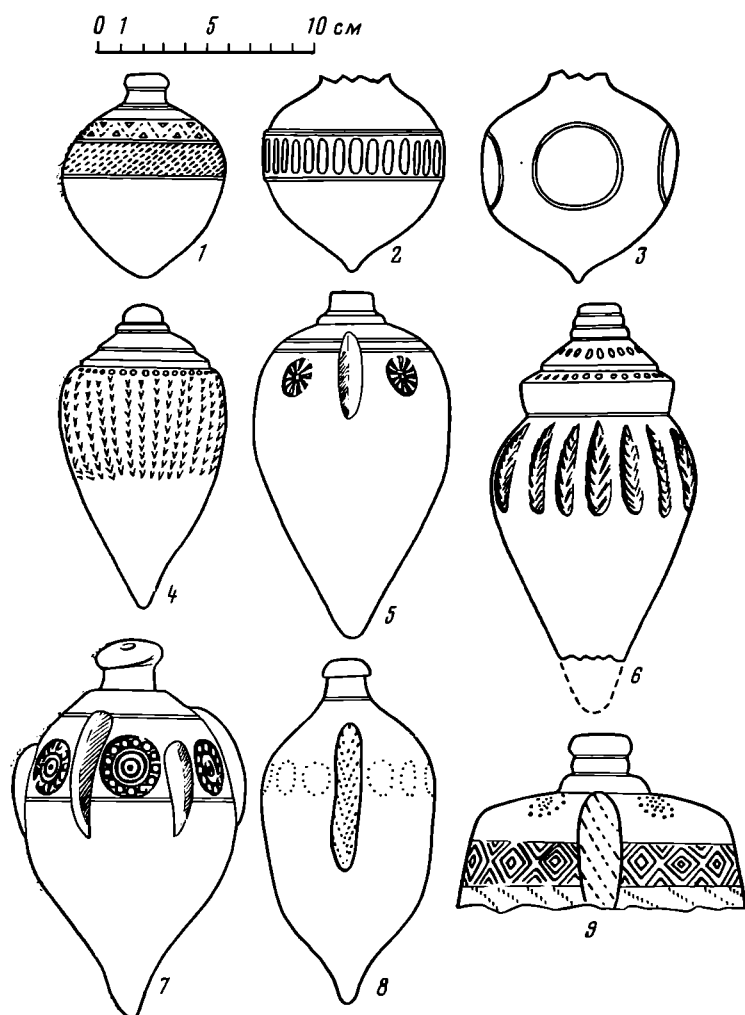

Рис. 4. Средневековые симобкузача из Иштихана

и к востоку (до 1 км) от Иштихан-Тепе, видимо, на месте располагавшихся здесь жилищ и угодий, где при рытье котлованов местами попадают древние материалы. В основном они относятся к IX—XII вв. Характерны найденные в одном месте сероглиняные «ртутные сосуды» — симобкузача (рис. 4), варьирующие своими формами и орнаментацией; фрагменты глазурованной керамики (роспись по белому черно-коричневой и красной, фисташково-зеленой и черной, трехцветная-пятнистая). Имеются безглазурные кувшинчики XII в. с нанесенной штампом орнаментацией (рис. 5). В разных местах в Иштихане собраны тонкоплиточные жженные кирпичи с оттиснутыми матрицей круговыми орнаментальными мотивами (рис. 6), известные также по находкам в Рабинджане, Калаи-Дабус, Курган-Тепе [9]. Среди новых нумизматических находок из Иштихана несколько медных монет чекана Саманидов, одна — начала XI в., одна — Улугбека XV в. и поздний чекан XIX в. (определены Э. В. Ртвеладзе). К этому следует добавить зарегистрированную нами ранее находку серебряной монеты бухархудатского типа VII—VIII в.

Таким образом, возникновение Иштихан-Тепе восходит еще к VI—VII вв., его разрастание и преобразование в город падает на время Саманидов, функционирует он вплоть до монгольского завоевания, после чего приходит в запустение. Фрагменты керамики XV в. и последующих веков единичны и встречены пока лишь на главном холме городища — может быть, они появились, когда тепе уже служило кладбищем.

Особое внимание было уделено экспедицией раскопкам оссуарных захоронений к востоку от городища. Здесь в обрыве арыка Хазара (или Хазире) школьниками были обнаружены и извлечены куски орнаменти-

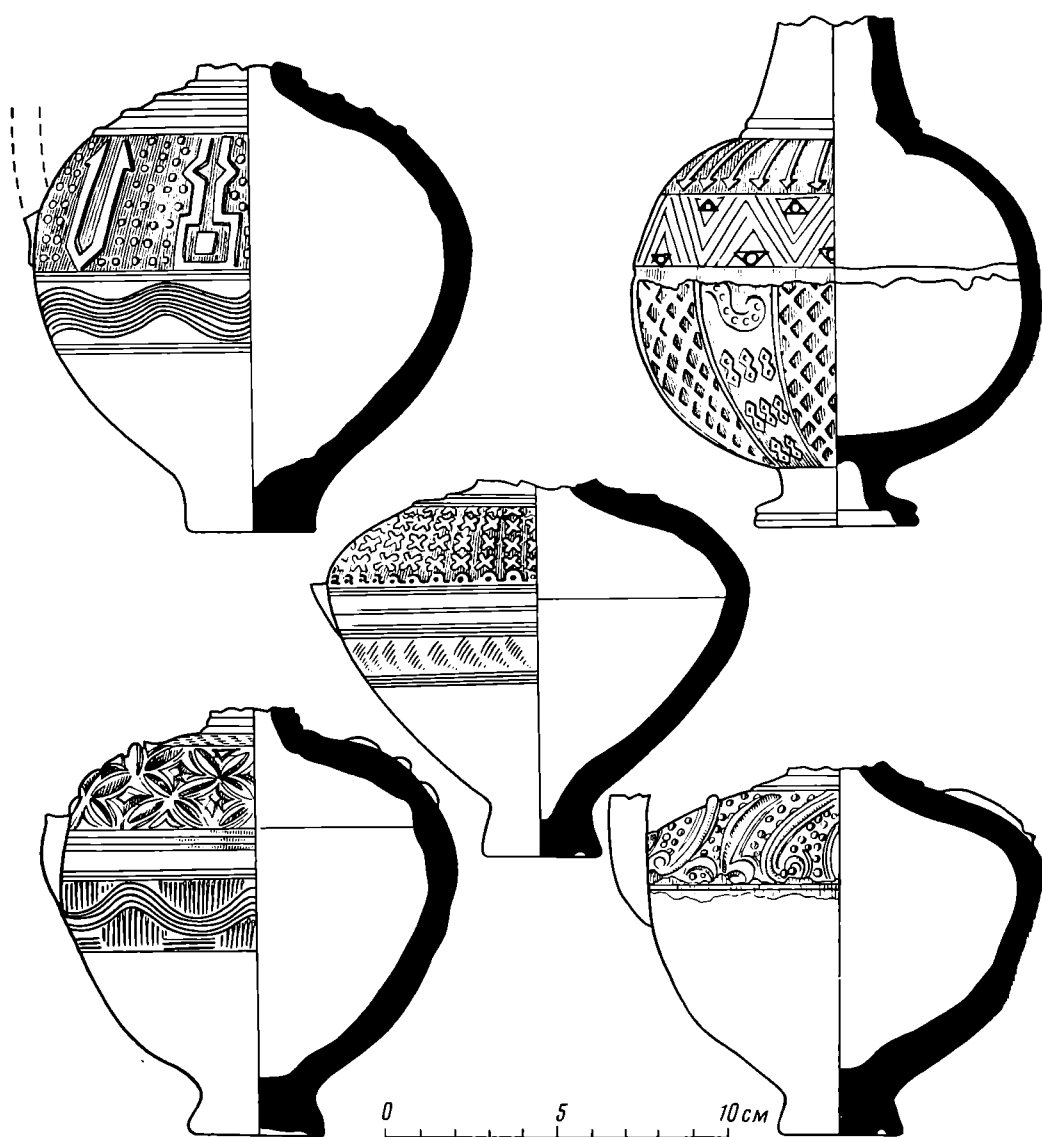

Рис. 5. Кувшины с тисненым орнаментом из Иштихана

рованных стенок оссуария. При осмотре места находки оказалось, что они обнажились при новом оползании берегов в том же участке, что и оссуарные фрагменты 1970 г. [10].

Раскопки, произведенные в данном участке, а также в 4 м западнее его, где мы отметили торчащую кость, выявили два коллективных костных захоронения (Иш. М-1 и Иш. М-2). Выяснено, что захоронения осуществлялись в ямах правильной конфигурации (из-за обреза канала они сохранились лишь частично). По всем данным, это были семейные погребения, куда на протяжении нескольких поколений помещали костные останки членов единой семьи. Лишь некоторые останки (видимо, каких-то высокочтимых представителей фамилии) были уложены в оссуарии, прочие же являют собой нагромождение костей и черепов. Число черепов из Иш. М-1 достигает 54, на объекте же Иш. М-2 — лишь 5. Черепа из Иш. М-1 образуют три наслаивающихся ряда, а прочие кости (в основном крупные — лучевые и берцовые, а также фрагменты мелких) лежали вперемежку с глиной. Некоторые из черепов были положены на фрагмент толстостенного сосуда или перекрыты им, благодаря чему нами получен комплекс археологически восстанавливаемых керамических форм, характерных для VI—VII вв. Черепа — мужские, женские, детские.

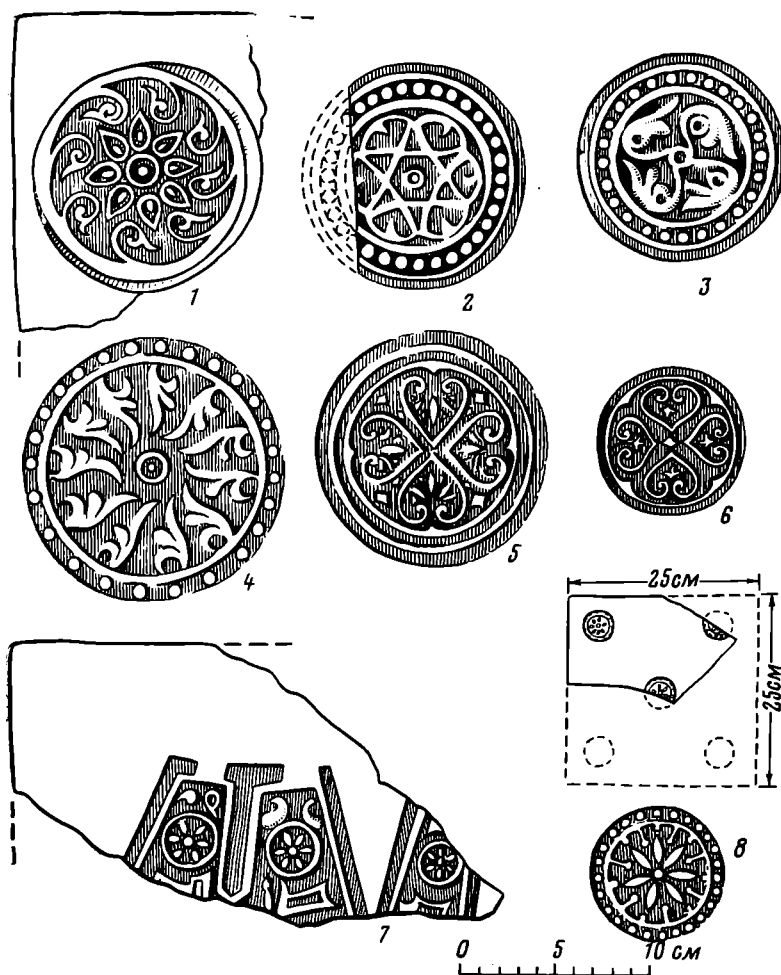

Рис. 6. Штампы на жженных кирпичах из Иштихана

Поскольку почти не вызывает сомнений принадлежность обоих погребальных комплексов нескольким поколениям единых семей, черепа эти в антропологическом отношении представляют особый интерес (все они переданы на обработку антропологу Т. Ходжаеву).

Оссуарии — в основном в виде множества фрагментов, и лишь на объекте Иш. М-2 оказался один почти целый оссуарий (утрачена лишь его верхняя часть), в котором был неполный череп, несколько костей и глина. В лабораторных условиях реставратору В. А. Луневу удалось восстановить основную форму или отдельные стенки других оссуариев. Форма их прямоугольная, днище плоское, крышки, судя по треугольным плоским фрагментам с орнаментацией, были четырехскатными.

Все стенки орнаментированы оттиском с матриц. Основной изобразительный мотив — аркада, основанная на фигурных колонках, и стоящие под арками мужчины и женщины с разнообразными ритуальными атрибутами в руках (плотка с огнем, жезл, ступка с пестиком, венец, растение и др.) (рис. 7). На некоторых оссуариях повторяются одни и те же персонажи, но на оссуарии из Иш. М-2 все 10 — разные). Один из вариантов почти идентичен известным бия-найманским оссуариям [11; 12, с. 61 сл., рис. 56—61], но прочие отличны, хотя состав персонажей и атрибутов с ними близок. Есть также оссуарий с орнаментально-символическим мотивом растения с трех стеблями, завершающихся пятилепестковыми цветочками и завитком-волной.

Что касается техники исполнения, то надо заметить, что В. Н. Кастальский заблуждался, полагая, что рельефы на бия-найманских оссуариях оттапливались формами на длинной глиняной «ленте», которой затем

Рис. 7. Фрагменты иштиханского оссуария

придавалась перегибами четырехугольная форма [11, с. 8]. В действительности оттиски осуществлялись на каждой стенке по отдельности и затем соединялись, заглаживаясь на углах: следы стыковки ясно видны с внутренней стороны. Края оссуариев завершались зубчатым парапетом, зубцы которого то вырезные, то рельефно оттиснутые.

Детальный анализ иштиханских оссуариев будет предметом особой публикации. Здесь хотелось бы лишь отметить, что они, так же как и бия-найманские и как оссуарий, недавно поступивший в Самаркандский музей из Аккурганского района, радикально отличаются своим изобразительным комплексом от пластических мотивов на оссуариях из Самарканда, что выделяет их в особый по отношению к столице Согда художественный круг. Области по Акдарье входили в состав основных земель древнего Согда, причем характерно, что еще в прошлом веке местное население именovalo земли севернее Акдарьи Сугуди-Калян (Большой Согд), а по Мианкалю — Ним-Сугуд (полу-Согд).

Ко времени утверждения ислама население Иштихан-Тепе еще продолжало некоторое время хоронить своих усопших близ домусульманского некрополя, но уже по мусульманскому обряду. В 1970 г. восточней главного тепе, у современной дороги, нашей экспедицией были обнаружены и затем вскрывались захоронения ящичного типа, обложенные жженым кирпичом, с трупоположением на спине и обращенной на Мекку головой. Датировку их определяет характерный для саманидского времени формат тонкоплиточного кирпича, а также саманидская монета IX в.

Таким образом, Иштихан-Тепе в свете новых археологических наблюдений предстает как значительный для Мианкаля средневековый город, один из тех, что упомянуты восточными авторами X—XIII вв. в области Иштихан, и скорее всего — сам одноименный главный город этой области, надолго сохранивший свое древнее название.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. I. М., 1963.
2. Пугаченкова Г. А. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года.— Обществ. науки в Узбекистане, 1963, № 4.
3. Тургунов Б. А. О местоположении средневекового города Иштихана.— Обществ. науки в Узбекистане, 1963, № 11.
4. Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в.— Сочинения. Т. III. М., 1965.
5. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг.— Сочинения. Т. IV. М., 1966.
6. Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абул-Касыма ибн Хаукаля.— Тр. САГУ, 1957, вып. 81.
7. Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину 1934 года.— Гос. Эрмитаж. Тр. Отдела Востока. Т. II, Л., 1940.
8. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент: Фан, 1979.
9. Пугаченкова Г. А. К датировке кирпичей с орнаментальными штампами из Мианкаля.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л., 1974.
10. Пугаченкова Г. А. Иштиханский оссуарий — новый памятник согдийского искусства.— Обществ. науки в Узбекистане, 1975, № 3.
11. Кастальский Б. Н. Бия-найманские оссуарии.— Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии, год 13 (приложение). Ташкент, 1909.
12. Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит. УзССР, 1960.

G. A. Pugachenkova

ISHTIKHAN ANTIQUITIES

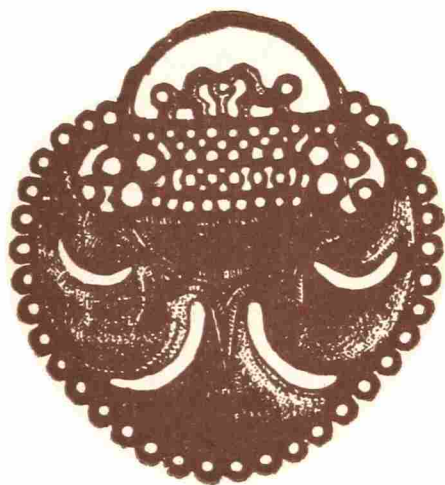
Summary

The survey of the Ishtikhan area, mentioned in mediaeval sources, which had been previously ignored revealed 85 archaeological monuments — tepes. Two of them — Alpaysh-tepe and Kurgan-tepe — date to the first centuries A.D. The latter was a large antique city of a regular form with a citadel surrounded by walls. Most Ishtikhan tepes are dated to the 6th-8th centuries A.D. and represent settlements around feudal castles though 9th-12th-century urban remains were also found. Ishtikhan-tepe was studied more extensively. It yielded archaeological materials of the 6th-12th centuries such as ceramics, burnt bricks with stamped decorations, coins and a 6th-8th-century complex of ossuaries embellished with reliefs showing arcades on figured columns and men and women carrying diverse objects under them.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1987

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, Т. В. БЕЛЯЕВА

К СТРАТИГРАФИИ КУМЫШКЕНТ-ТЕПЕ

Античная керамика Средней Азии хорошо изучена для Бактрии, Маргианы, Хорезма, в меньшей степени для Согдианы. В самаркандской зоне Согда керамика середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э. в основном известна по Афрасиабу — городищу древнего Самарканда [1–8]. Но изучение стратиграфии нижних слоев здесь крайне затруднено, поскольку они перекрыты многометровыми средневековыми напластованиями вплоть до начала XIII в. и находятся в переотложенном состоянии. Все это поставило задачу найти памятник, целиком или преимущественно относящийся к эпохе согдийской античности. Им оказался Кумышкент-тепе, в 19 км к западу от Самарканда, близ кишлака Кумышкент (рис. 1). Это возвышенный подпрямоугольный холм столового типа, размерами 120×75 м у подошвы и 80×40 м — верхней площадки. Его высота 15–18 м, но, как показали раскопки, культурные слои уходят вглубь на 4–5 м от современной поверхности. Рядом — остатки всхолмлений бывшего поселения (рис. 2).

Те́пе, отмеченное в свое время еще В. Л. Вяткиным [9, с. 58], обратило на себя наше внимание при рекогносцировках Узбекистанской искусствоведческой экспедиции 1961 г., так как в его срезам и у подошвы в изобилии находились черепки древней керамики, а на одном участке обнаружилась кладка высокой стены из крупного квадратного сырца и пахсы [10, с. 57]. В 1962, 1963, 1971, 1972 гг. на восточном склоне те́пе были осуществлены стратиграфические разрезы, один из которых (№ 1) был доведен до современной дневной поверхности [11, с. 49, 50], другой (№ 2) глубоким стратиграфическим шурфом — до материка. В верхнем горизонте был осуществлен также раскоп на площади 340 м². Раскопки велись поярусно (через 50 см), с привязкой к реперу, выбранному на самой высокой точке те́пе¹.

Археологические разрезы выявили шесть культурных горизонтов (Кмш I–VI), включающих по два-три хронологических этапа. Приведем описание разреза 2, давшего наиболее четкую картину залегания наслоений, общая высота которых относительно репера составляет 22,5 м. Описание культурных горизонтов начнем с самого нижнего (рис. 3).

Горизонт Кмш I (XLV–XXXV ярусы). Первоначальный культурный слой покоится на лёссовом материке и насчитывает три строительных этапа. Вначале (Кмш Ia) возводится пахсовая стена, сложенная из жирной серой тоюнной (иловой) глины, чередующейся с желтой лёссовой глиной. Такое сочетание строители провели преднамеренно, так как тоюн, имеющий способность дольше, чем лёсс, оставаться в сыром состоянии, обеспечивал вязкость структуры. В замесе пахсы нет примесей, но поверхность этой кладки отмечена тонкая прослойка с углем и костями. Эта линза отделяет нижний 1,5-метровый пахсовый слой от вышележащей кладки слоя Кмш Ib, где также идет сочетание метровых пластов пахсы из тоюнной и лёссовой глины. Различие в том, что здесь замес пахсы содержит небольшой процент керамических фрагментов, т. е. глину на строительство брали из культурного слоя.

На гребне этой пахсовой стены следует кладка этапа Кмш Iv высотой 1,3 м, из сырцовых кирпичей форматом 50×39–40×13 см. Как и

¹ В 1961 и 1962 гг. работы велись под общим руководством Г. А. Пугаченковой, при участии молодых археологов-лаборантов Д. Н. Сидоровой и Э. В. Ртвеладзе, а в 1971 и 1972 гг. — Т. В. Беляевой.

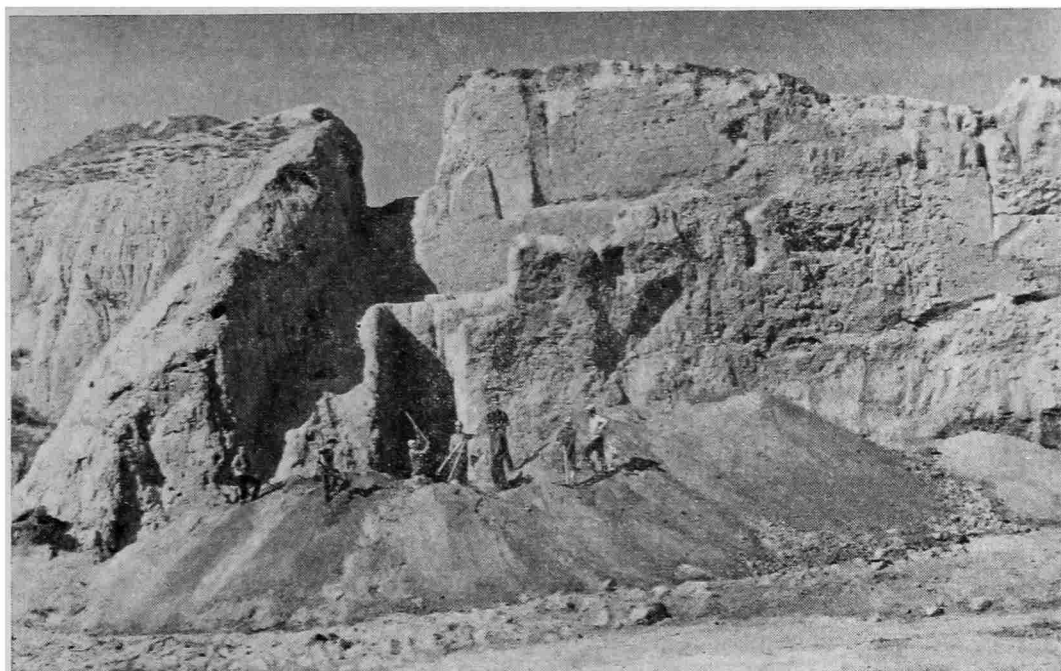

Рис. 1. Кумышкент-тепе. Разрез 2

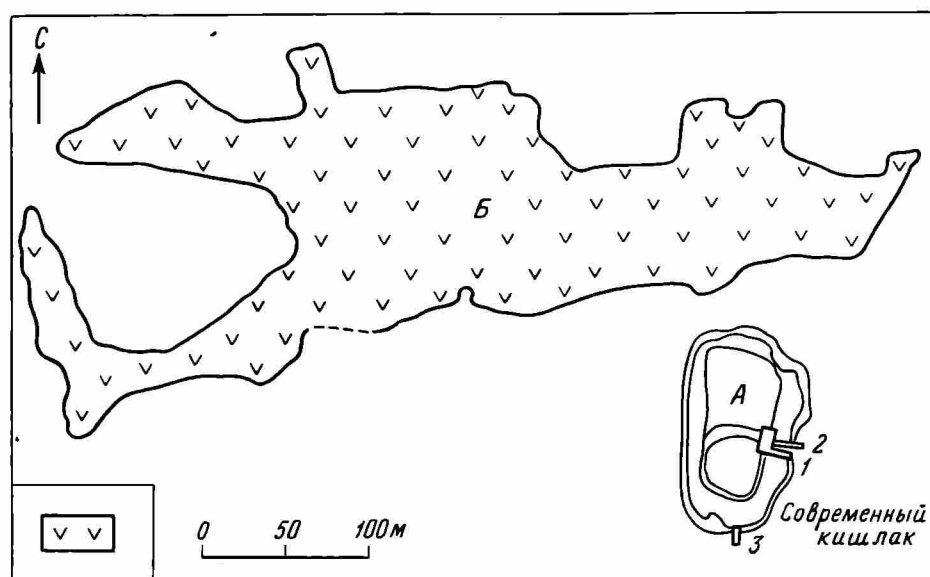

Рис. 2. Кумышкент-тепе (А) и остатки поселения (Б). — 1—3 — разрезы;
v — территория распространения керамики

пахса, сырец изготовлен из двух видов глин и уложен на толстых промазках по два ряда сырца из тоюнных и по два ряда лёссовых глин. Выше — 0,5-метровые слои пахсы общей мощностью из 1,5 м. По-видимому, это уже платформа для возведения новых строений. Описанные кладки в разрезе вглубь выявлены до 8 м, но грань не обнаружена: это мощная стена внешнего ограждения, а может быть, платформа крепостной стены. Высота первого культурного горизонта Кмш I 5,5–6 м.

Керамика, извлеченная в уровнях Кмш Iб (рис. 4), включает столовые сосуды, изготовленные на станке, и лепные кухонные. В составе первых — чашечки сферической формы с чуть утолщенной и загнутой внутрь закраиной, фрагмент стенки от цилиндроконической кринки, узкогорлые и широкогорлые кувшины с небольшим плечиком, переходящим к невысокой горловине со слегка оттянутым округлым венчиком. Тулово кувшинов, судя по фрагментам, яйцевидное, дно плоское. Сюда же отно-

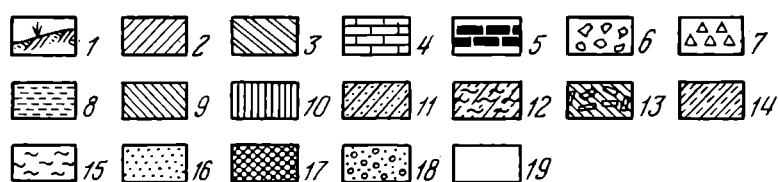
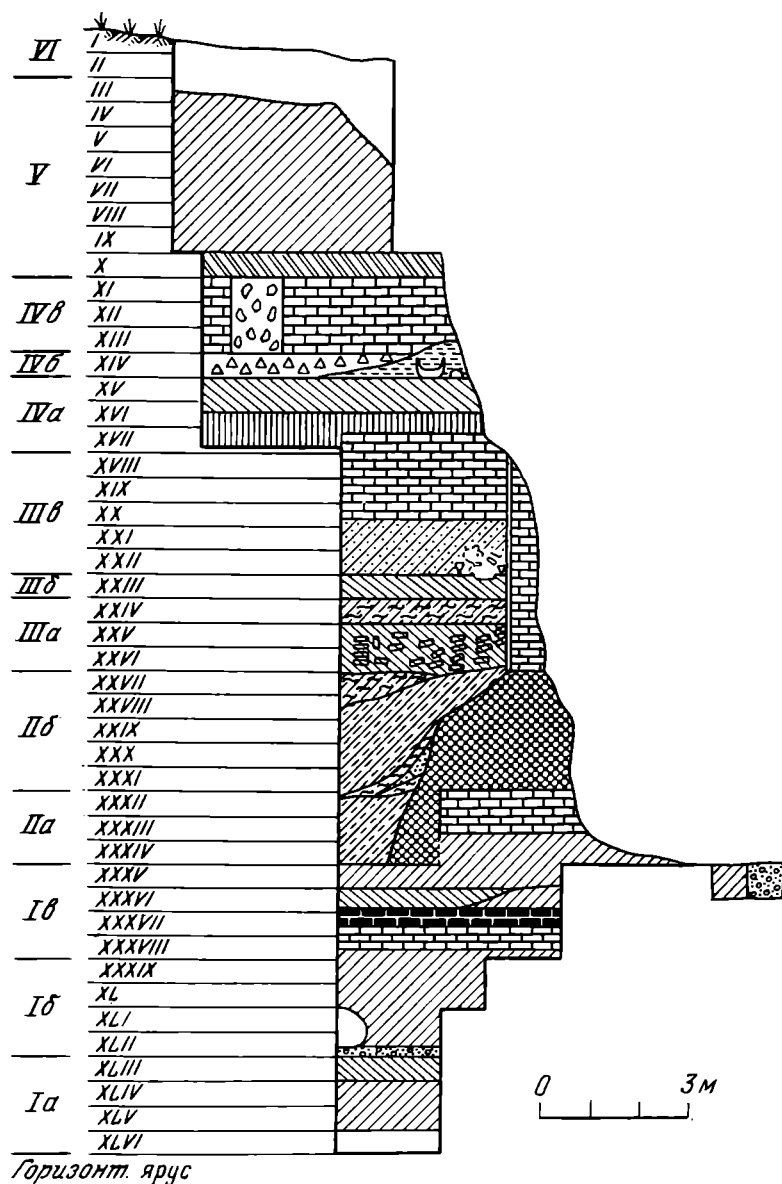

Рис. 3. Кумышкент-тепе. Разрез 2. 1 — дерн; 2 — пахсовая стена; 3 — утрамбованная земля; 4 — кирпичная кладка; 5 — кирпичная кладка из тоюнной глины; 6 — завал комковатый; 7 — слой с обилем керамики; 8 — натечный слой; 9 — забутовка; 10 — слой с керамикой; 11 — рыхлое сероватое заполнение помещений; 12 — плотный слой с керамикой; 13 — завал из кусков кирпича; 14 — заплыв пахсовых стен; 15 — оплыв и скопление керамики у стены; 16 — зольник; 17 — желтоватая пахса с включением мелкого галечника; 18 — галька и песок; 19 — материковый лёсс

сятся кухонные котлы, близ края которых прикреплены две шишковидные ручки. Тулово расширенное, переходящее в дно. Горла хумов оформлены манжетовидным венчиком. Черепок у всех сосудов плотный, хорошо пропеченный, ангоб в основном беловатый, или же его нет. В тесте котлов большая примесь отошителей.

Характер теста, обжига, общая фактура черепка, ангоб находят широкий круг аналогий в среднеазиатской керамике VI—IV вв. до н. э.

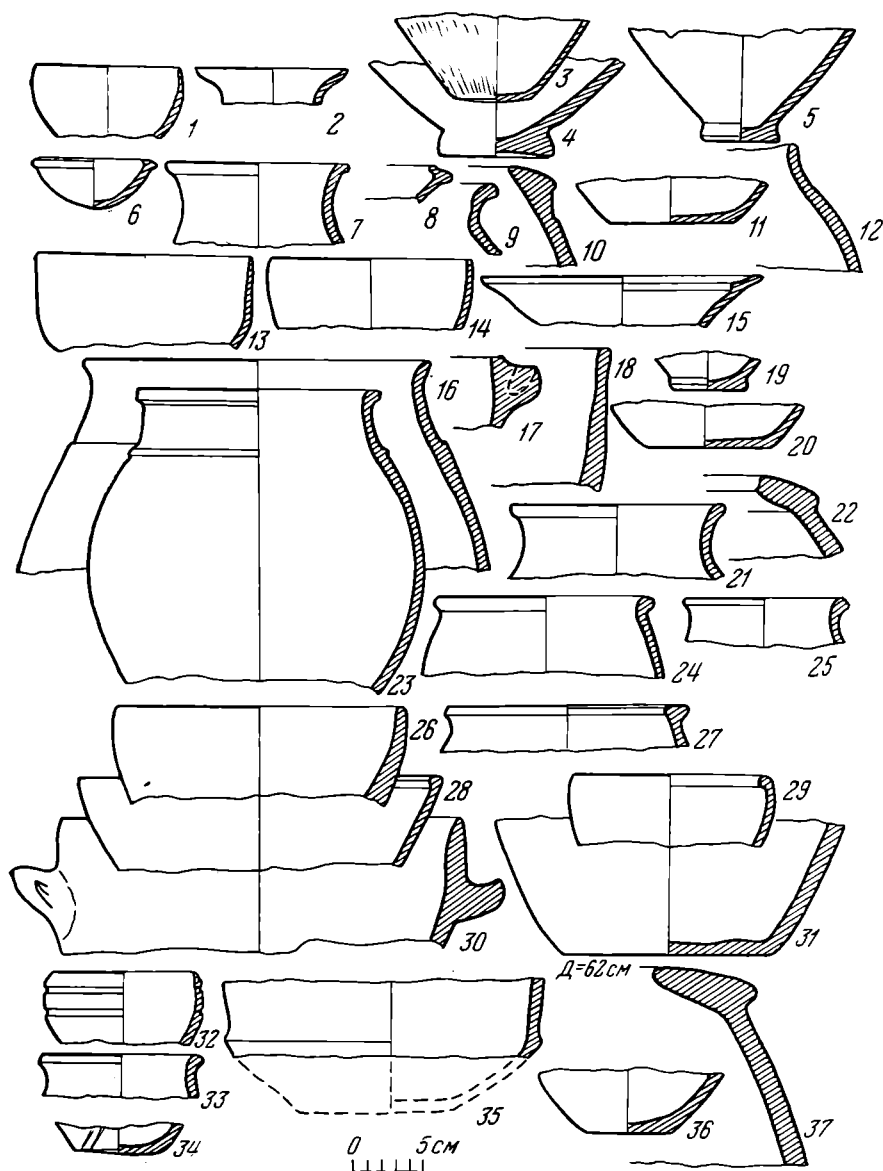

Рис. 4. Комплекс керамики горизонта Кмш I

Отметим также, что для этой эпохи не менее характерен и прямоугольный формат сырцового кирпича. Что касается керамического комплекса Кмш I, то он восходит к поздней фазе данного периода. Столь характерный цилиндроконический тип сосудов с подкосом у дна представлен единственным экземпляром, прочие донца подкоса не имеют. Формы чаш и кувшинов уже близки к античным. На некоторых фрагментах нанесен присущий последним красный ангоб, на одном — с полосчатым лощением, а на фрагменте горшка — мутноватый черный ангоб. Комплекс этой керамики стоит на рубеже двух историко-культурных эпох, и датировка его, таким образом, может быть не ранее IV в. до н. э.

Горизонт Кмш II (XXXIV—XXVII ярусы) насчитывает два этапа. На этапе Кмш IIa на выровненном и наполовину подрубленном гребне кладок первого горизонта возводится новая стена. Она сложена из квадратного, изготовленного из желтого лёсса сырцового кирпича $45 \times 45 \times 10-11$ см, уложенного на тоюнный раствор (швы 6—8 см). Высота кладки 1,2, толщина 3,5 м.

В Бактрии, Парфии, Маргиане, Хорезме на памятниках античного времени отмечен переход от прямоугольного кирпича к квадратному. Между тем в Ташкентско-Ферганском регионе по-прежнему применяется прямоугольный сырец. В Согдиане же в этот период сосуществует кир-

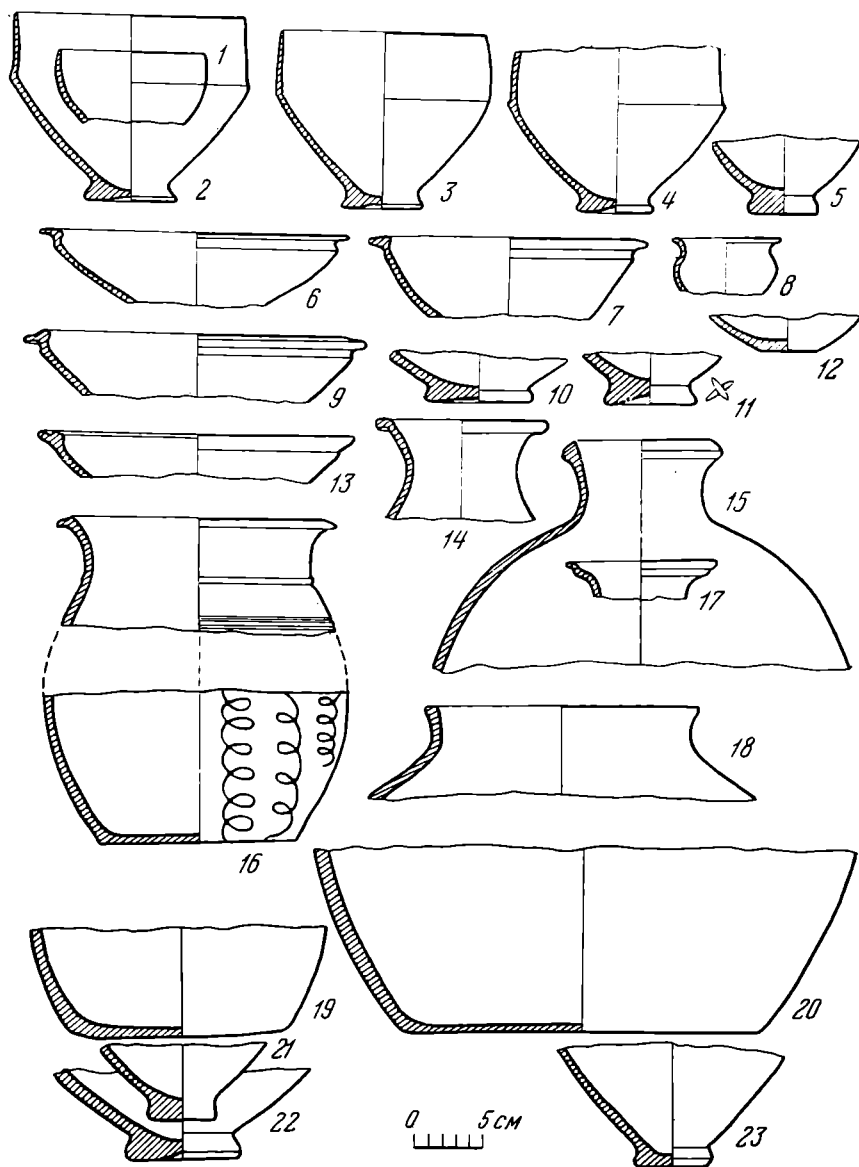

Рис. 5. Комплекс керамики горизонта Кмш II

пич как прямоугольный (Баш-тепе, Китаб, Ер-Курган) [12, с. 177, 182, 184; 13, с. 62; 14, с. 62, 64; 15, с. 51–59], так и квадратный (Афрасиаб, Кеш, Ер-Курган и др.) [6, с. 24 сл.; 13, с. 63]. Единого стандарта квадратного сырца не существовало, но выявлена тенденция на протяжении III в. до н. э. – IV в. н. э. к постепенному уменьшению его в стороне. В Северной Бактрии самый крупный формат такого сырца – 45 см (и даже до 48 см) – отмечен в нижних слоях укреплений Дальверзин-тепе [16, с. 18, 227], сырец до 45 см в стороне – в нижнем стратиграфическом горизонте Хан-Газы [17, с. 69].

На этапе Кмш IIб кирпичную стену подравнивают сверху и берут в паховый футляр, сохранившийся на высоту до 3,5 м и до 5 м в толщину. Однако внешняя грань обрушена, и, следовательно, стена была еще толще. Пахса и сырец изготовлены из желтого лёсса с добавлением гравия. Около стены изнутри накопился культурный слой до 1,5 м. В нем и в оплыве пахсы отмечены фрагменты керамики.

В комплексе Кмш II ярко представлена столовая посуда: бокалы, тарелки, чашки, миски, кувшины средних размеров, кринки. Весь набор изготовлен из хорошо отмученной глины, черепок плотный, коричневатого или красноватого цвета и звонкий от качественного обжига. Большинство сосудов обработано густым ангобным покрытием, которое от сильной

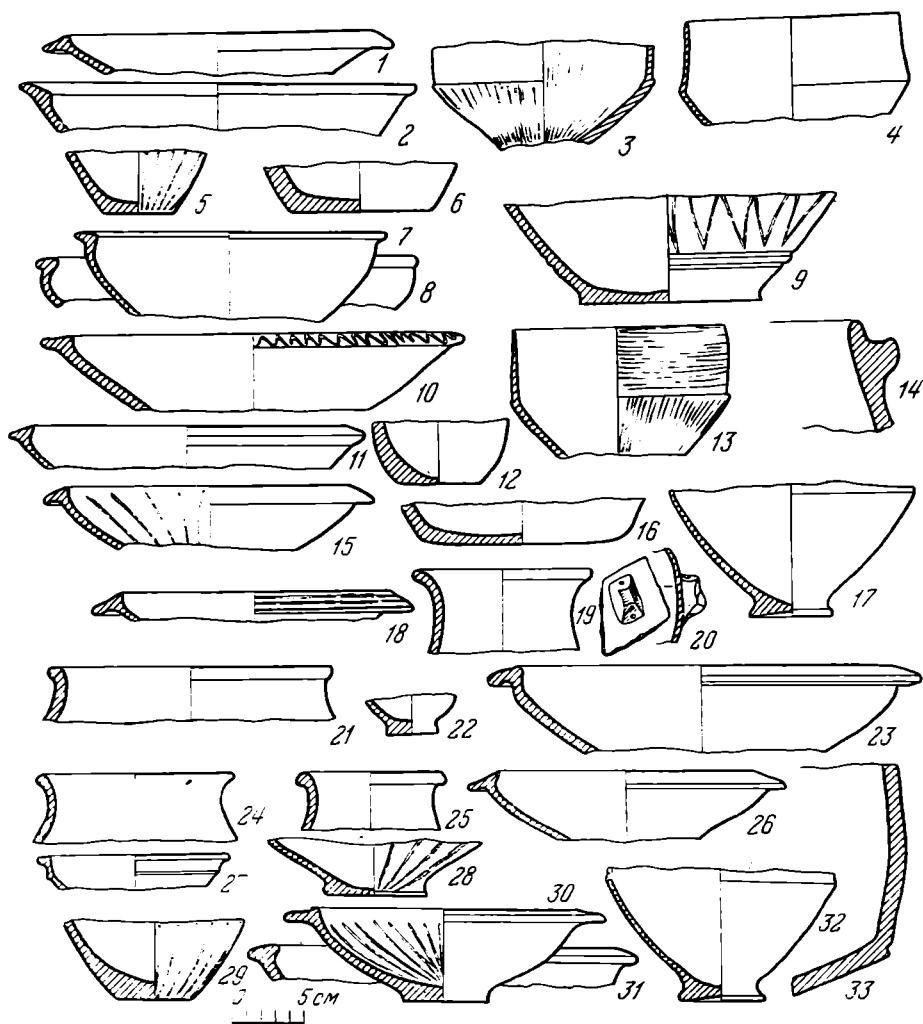

Рис. 6. Комплекс керамики горизонта Кмш II

температуры в печах в окислительной среде приобрело окраску от красно-коричневого до темно-коричневого тона. На кувшинах — покрытие светлым ангобом; у них неширокое горло, яйцевидное тулово, иногда имеется ручка ленточного типа. Кубки — с цилиндроконическим резервуаром на слегка выступающем плоском или чуть выемчатом поддоне, диаметр их по венчику немного превышает высоту. Тарелки (скорее отлогие фиалы) — на маленьком, плоском дне или слегка выступающем поддоне, с отлого-коническим резервуаром, который заканчивается выделенным, немного оттянутым бортиком Т-образного профиля. Небольшие горшки кринкообразной формы имеют широкое и невысокое горло с оттянутым краем, высота немного превышает диаметр тулова, дно плоское, широкое. На одном экземпляре по красно-коричневому ангобу темной ангобной линией нанесен узор вертикально идущих спиралей (рис. 5, 16).

Комплекс Кмш II еще сочетает посуду, изготовленную по старой технологии и по уже внедренной новой, когда в ангобный раствор добавляют железистые окислы. Формы сосудов претерпевают заметную эволюцию.

Сходный по формам и технологической обработке материал представлен в керамической колонке Афрасиаба II, где его датируют IV—III вв. до н. э., и в переходной к Афрасиабу III, относимому уже к рубежу II—I вв. до н. э. [7, с. 50, 51, рис. 57; 8, с. 77 рис. 2—5]. Смена моделирования столовой посуды в Согде происходит на протяжении III в. до н. э. Как считает основатель исследования Афрасиаба Г. В. Шпш-кина, технологические нововведения и изменения форм были связаны

здесь с прямым эллинистическим влиянием после походов в Согд Александра Македонского и привозом сюда эллинистической керамики [8, с. 50]. Однако появление в Согде греческой керамики пока нигде не подкреплено археологическими находками. С нашей точки зрения, новая типология и технология сосудов появляются в Согдиане не под прямым эллинистическим влиянием, а опосредованно, под воздействием бактрийского гончарства III—II вв. до н. э., в пору вхождения Согда во владения греко-бактрийских басилевсов и установления тесных контактов с областями Северной Бактрии. Потому-то многие формы комплекса Кмш II (равно как и Афраснаба II): цилиндроконические кубки, кувшины, фялы, тарелки, — находят прямые аналогии в керамике Ай-ханум [18, рис. 15—17, 21—24, 27—29, 39, 40, с. 127—133, 136—141; 19, рис. 12, 13] и в нижних слоях Дальверзин-тепе [16, рис. 6, 11, 42, 100].

Исходя из приведенных выше аналогий и новых явлений как в технологии гончарного производства и типологии сосудов, так и в строительной технике, датировка горизонта Кмш II определяется III—II вв. до н. э.

Горизонт Кмш III (XXVII—XVIII ярусы) насчитывает три этапа. Кмш IIIa: на гребне пахсовой стены предыдущего периода, отступая от ее внутренней грани на 2 м, возведена стена из сырцового кирпича размером $38 \times 38 \times 14$ —15 см, обмазанная с внутренней стороны глиной. Ее толщина 3 м (внешняя грань разрушена). В высоту она сохранилась на 5 м. К стене примыкает попавшее в разрез помещение, уровень пола которого находится в конце XXVI яруса. Покрывающий его культурный слой содержит угли, золу, фрагменты керамики.

Этап Кмш IIIa отмечен завалом помещения, разрушенным кирпичом, и обмазкой нового пола в пределах XXIV яруса. Культурный слой мощностью 0,5 м, накопившийся на этом полу, содержал большое количество керамики.

На этапе Кмш IIIб помещение перекрывается 0,5-метровой пахсовой платформой и на ней строят новые помещения, примыкающие к прежней внешней стене. Поперечные стены толщиной 1,2 м выведены из пахсы, а продольные толщиной 2 м — из сырцового кирпича прежнего размера — $38 \times 38 \times 14$ см. Они сохранились на высоту до 1,2 м. В углу помещения около внешней стены сделан очаг, обложенный кусками толсто-стенной керамики и обмазанный глиной. В дальнейшем (Кмш IIIв) помещение заполняют разрушенные кирпичи и глина, а затем оно забутовывается пахсой с галечником, образующими платформу для новых построек.

Комплекс керамики этапа Кмш IIIб — в основном сервиз столовой посуды: кубки, тарелки, миски, узкогорлые кувшины и широкогорлые кринки. Все они изготовлены на гончарном круге. Черепок плотный, красноватого или светло-коричневого тона, ангоб ярко-красный и красно-коричневый. Ангобирование посуды разнообразное: на одном — покрытие густым слоем путем обмакивания в раствор, на других хорошо видно растирание ангобной жидкости кистью. Тонкостенные формы со сложным профилем венчика или поддона обрабатывались на станке явно с двойной обточкой. Почти все изделия ложились металлическим, каменным или костяным лощилом. Металлическое лощение оставляло темно-серую полоску, а костяное — полоску, заметную только по блеску. Лощение получалось в виде полос — вертикальное и горизонтальное. Нередко их сочетание. Например, верх кубка залощен по горизонтали, низ — луцеобразно по вертикали. При сплошном лощении применялось каменное лощило, благодаря ему сосуд становился гладким и блестящим.

Данный керамический комплекс близок к предыдущему — аналогичны профили кубков, чаш, мисок. Однако они более тонкостенные и разнообразны по размерам. Кувшины чаще с одной ручкой, прикрепленной у горловины и опущенной на плечо. Близость форм к керамике горизонта Кмш II, но при явно уже широко внедренной новой технологии обработки, позволяет отнести этот комплекс к I в. до н. э. — I в. н. э.

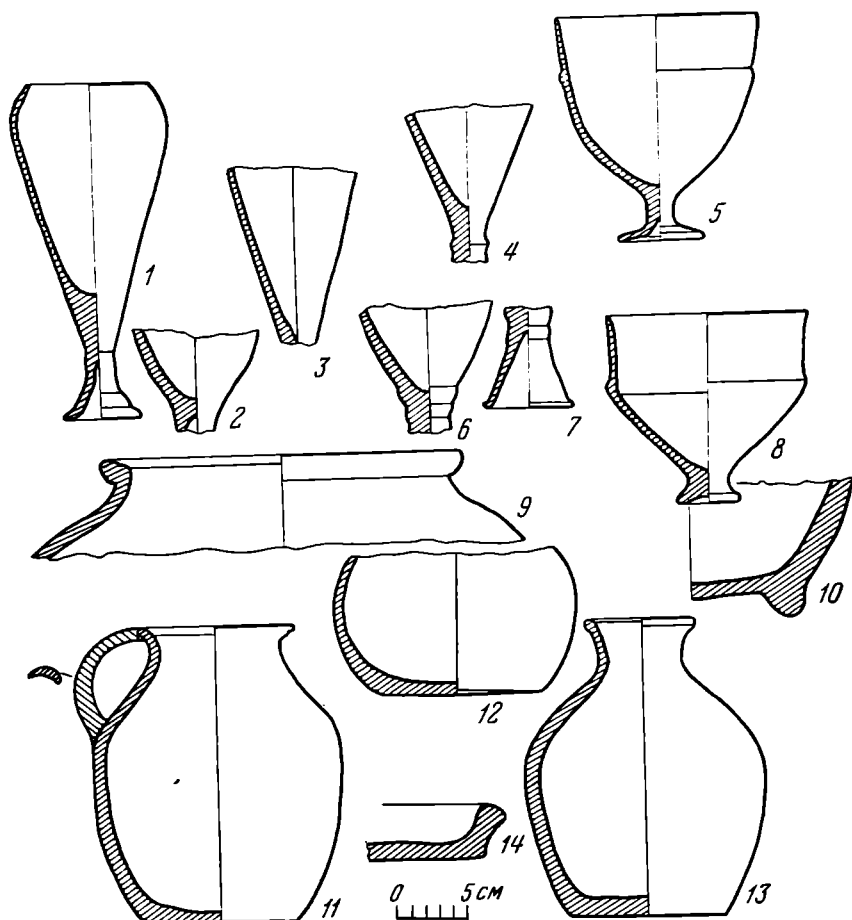

Рис. 7. Комплекс керамики горизонта Кмш IIIв

Керамика из слоя Кмш IIIв уже иная (рис. 7). Около очага в помещении лежали на полу два бокала, кубок, кувшин с ручкой и кувшин без ручки, верхняя часть хума. Здесь наблюдаются новые формы: колоколообразный бокал на тонкой, вытянутой ножке, полый изнутри, с широким кольцом у основания; кубок цилиндрический с выгибом вовнутрь у края; ножка не сохранилась, но по другим фрагментам видно, что ножки таких кубков вытачивались высоким коническим раструбом; соотношение диаметра к высоте 3 : 1. Кувшин с одной ручкой, узким горлом и широким плоским дном. Имеется также ряд фрагментов, варьирующих описанные формы. Все сосуды обработаны красно-коричневым, а иногда и черным ангобом и слегка залощены.

Обращают на себя внимание высокие колоколовидные бокалы на неустойчивой высокой ножке. Такие формы бокалов с Афраспаба датируют широко — I—III вв. [1, с. 86, рис. 3, 4]. В нашем комплексе данный вид не выходит за пределы II в. н. э., поскольку, как будет показано, вышележащий слой имеет дату III—IV вв.²

Таким образом, 5-метровый горизонт Кмш III сложился длительное время в пределах около рубежа н. э. — II в. н. э.

Горизонт Кмш IV (XVII—XI ярусы) насчитывает три этапа. На 0,5-метровой глинобитной платформе, перекрывшей остатки стен и культурные слои горизонта Кмш III, выводится внешняя стена из сырцовых кирпичей размером 35×35×10 см и пахсовых блоков 50 см в высоту, чередующихся с шестью рядами сырца (Кмш IVa). Уровень пола новых помещений приходится на конец XV яруса; 0,5-метровый слой над ним (Кмш IVб) насыщен фрагментами керамики, представленной в основном

² У нас вызывает глубокое сомнение отнесение Г. В. Шишкиной бокалов подобного типа к IV—III вв. до н. э. на Афраспабе. Это могли быть экземпляры, попавшие в глубоко опущенную мусорную яму, или бадраб.

хозяйственной посудой и, в меньшем составе, столовой. Фрагменты хумов с невысокой шейкой и овальным венчиком, верх хумчи с высоким горлом и оттянутым овальным венчиком, все они покрыты снаружи светло-розовым ангобом. К столовой посуде относятся тарелки и бокалы — те же, что и в предшествующих горизонтах; видимо, это — забутовка глиной и битой посудой из более древних культурных слоев. На новом этапе обживания Кмш IVб уровень пола лежит в XIV ярусе. На нем в углу помещения сложен из кирпичей очаг диаметром 80 и высотой 30 см, обмазанный глиной. Рядом располагался тандыр с сильно прокаленной толстой обмазкой, на дне которого скопился слой золы. На небольшом возвышении вдоль северной стены помещения стояли глиняные подставки для вертела — округлой формы, сдавленные и раздвоенные на два отростка сверху.

На этапе Кмш IVв помещение перестраивается. Его перегораживают стеной, разделяя на два, с проемом шириной 1 м. Эта стена уже выведена рядами сырцового кирпича $47 \times 29 \times 8-10$ см, перемежающимися с ленточной пахсой толщиной 8–9 см. Пахса — из сырой жирной глины, а кирпичи формованы из желтого лёсса. На этом этапе помещения обжигались длительное время. Затем наступило их запустение, на полу начала скапливаться зола, достигая у южной стены до 1,2 м, перекрыв и пол, и очаги. Всюду зафиксированы надувные слои, затеки, заполнения из разрушенных кирпичей.

Комплекс фрагментов керамики из зольника и заполнения помещений обильный и разнообразный (рис. 8–10). В основном составе это столовая посуда. Бокалы — двух видов: приземистые цилиндрические (почти чаши) и колоколовидные. Ножки первых — на кольцевом поддоне, иногда сплошного сечения, ножки вторых высокие, тонкие, с полым коническим раструбом. Миски овальные, с двумя бороздками у края.

Период Кмш IV охватывает длительный промежуток времени — в пределах II–IV вв. Если возведение над платформой первоначальных стросний из квадратного сырца, перемежающегося с ленточной пахсой, восходит еще ко II–III вв., то на следующем этапе уже применен сырец прямоугольного формата, который в период раннего средневековья окончательно вытесняет в Согде квадратные формы. Подобный переход от квадратного к прямоугольному формату отмечен и в Бактрии, например в постройках городских ворот Дильберджина и на городище Жига-тепе, где датируется обилием монет кушано-сасанидского чекана III–IV вв. [20, с. 97; 21, с. 72].

Комплекс керамики из слоя Кмш IV находит аналогии с афраснабской керамикой II–III вв. [6, с. 68 сл., рис. 14, 15]. Глиняные же очажные подставки описанного типа характерны для каунчинской культуры периода Каунчи III, датируемого IV — первой половиной VI в. [22, с. 77, рис. 8], хотя появление их, на наш взгляд, старше этой даты. По сумме данных концом III–IV в. датируется время длительного обживания Кумышкент-тепе (горизонт Кмш IV), после чего наступает этап его продолжительного запустения.

Горизонт Кмш V (X–III ярусы) включает два этапа. Новое здание этапа Кмш Va основано на глинобитной платформе толщиной 50 см, перекрывшей остатки и заполнение построек нижележащего горизонта. Стены толщиной 1,75 м сохранились на 1,5 м по высоте. Вскрыта часть самого здания на площади 340 м^2 — анфилада четырех помещений на восточной стороне и часть помещения на южной, между ними — угол внутреннего двора. Перекрытия были балочными, о чем говорят находки балок. Фрагмент одной из них — с резьбой в виде рельефных ромбиков. Стены оштукатурены хорошо отмученной глиной и местами были покрыты росписью. Из-за фрагментарности характер рисунка неясен, но различаются розовые, голубые, желтые, ярко-красные и черные тона.

На этапе Кмш Vб здание подверглось перестройке: повышен пол, утолщены паховыми блоками стены, толщина которых уже достигает 3 м при 3,5 м сохранившейся высоты. Паховые блоки 90×90 см разде-

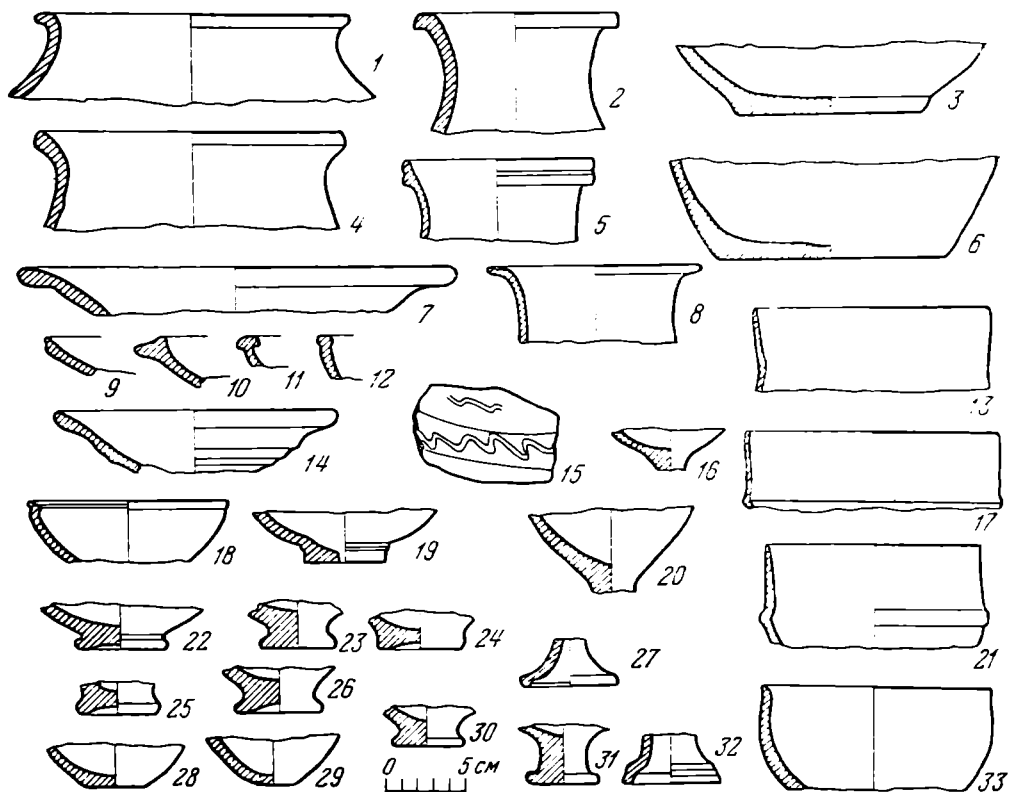

Рис. 8. Комплекс керамики горизонта Кмш IV

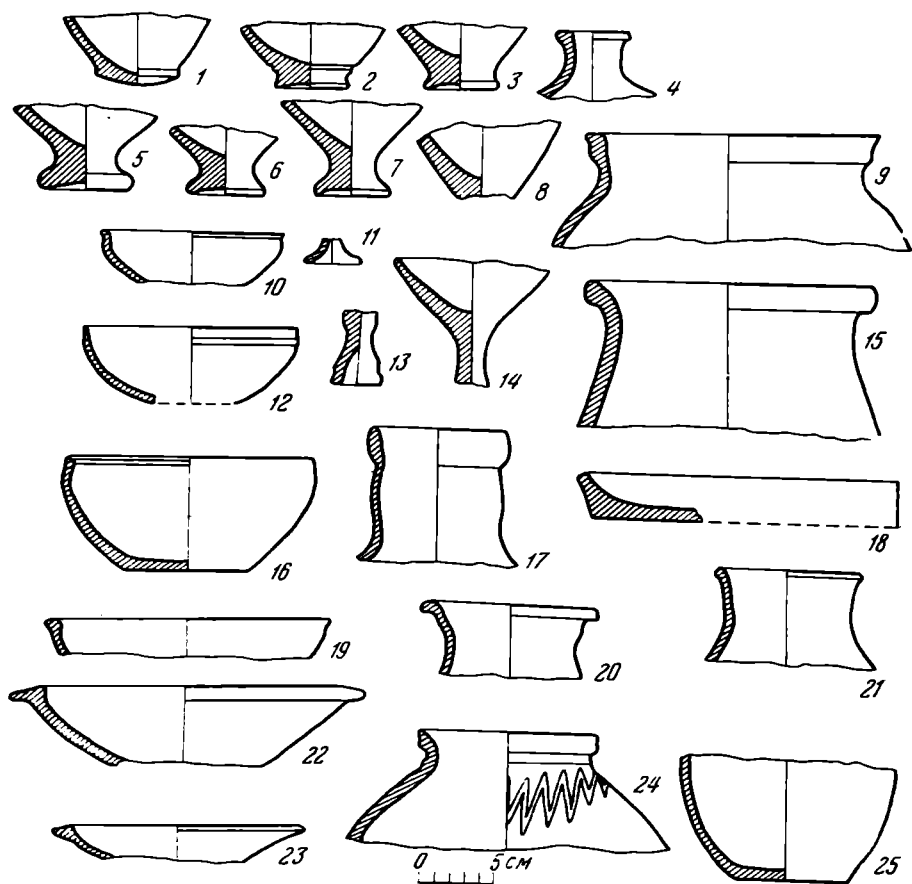

Рис. 9. Комплекс керамики горизонта Кмш IV

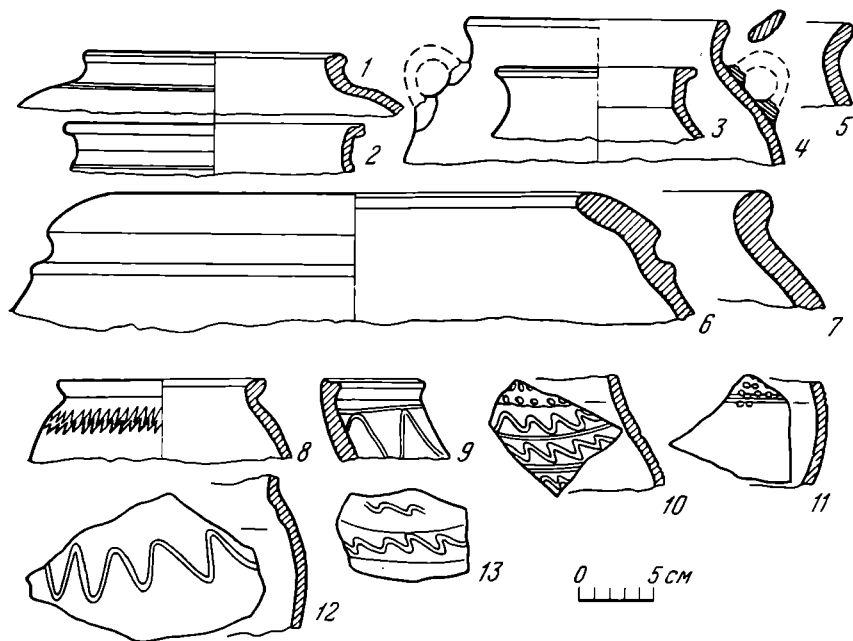

Рис. 10. Комплекс керамики горизонта Кмш IV

лены специальными нарезными швами и выведены в два ряда, над которыми следует кирпичная кладка в три—пять рядов сырца размером $50 \times 25 \times 8$ см, причем наверху выложены тычком начальные ряды несохранившихся сводчатых перекрытий. При перестройке первоначальные проходы между помещениями были облицованы тем же кирпичом, поставленным на ребро. В помещении 2 на восточной стене сделана прямоугольная ниша, в которой отчетливо видны следы огня. В помещении 3 у южной стены устроен очаг, рядом лежали две чашки и кувшин. Разного рода хозяйственные остатки отмечены во дворе, заполнение которого на последнем этапе существования шло медленно, натеками и надувной землей. Вдоль северной грани здесь скопление круглых и продолговатых галек (диаметром в среднем 10—18 см), может быть, предназначенных для обороны. В восточной части двора, около стены, устроен очаг подковообразной формы.

В комплексе керамики периода Кмш V встречаются фрагменты, явно перемещенные из нижележащих слоев, откуда, может быть, брали землю, но в основном она здесь существенно отлична от предыдущей как по формам, так и по обработке (рис. 11). В составе ее горшки, кувшины, миски, тагора (лохани). Черепок желтоватый или розоватый, довольно рыхлый, ангобирование поверхности частичное — в основном верхней части или просто сбрызгиванием ангобной краской. На крупных сосудах нередко сверху обмазка красноватым или черным ангобом, сбегаящим потеками вниз. Горшки больших и средних размеров имеют отогнутый наружу венчик над одутловатым туловом, иногда у венчика устроен небольшой носик-слив, с противоположной стороны которого имеется ручка. На двух экземплярах корень ручки или носика украшен пальметкой. Кувшины — разных размеров, крупные, обычно с одной ручкой, идущей от горловины к плечу, малые кувшины — с ручкой или без нее, иногда под венчиком имеется слив. Своеобразен кувшинчик с горлом наподобие четырех смыкающихся сливов. Миски крупные и небольшие, сферондные, на поддоне. Хозяйственная посуда с большими добавлениями шамонта, особенно у котлов, имеющих по-прежнему округлую форму.

Описанные сосуды находят близкие аналогии в керамике VI — начала VIII в. из Пенджикента и Самарканда с его округой [6, с. 84, рис. 19; 23, с. 133 сл., рис. 2, 7; 24, с. 124, рис. 21, 23, 30; 25, с. 265 сл., рис. 1, 5—11, 17, 20; 26, с. 227 сл., рис. 21—24; 27, с. 296а, рис. 8—10], этим периодом можно датировать и комплекс

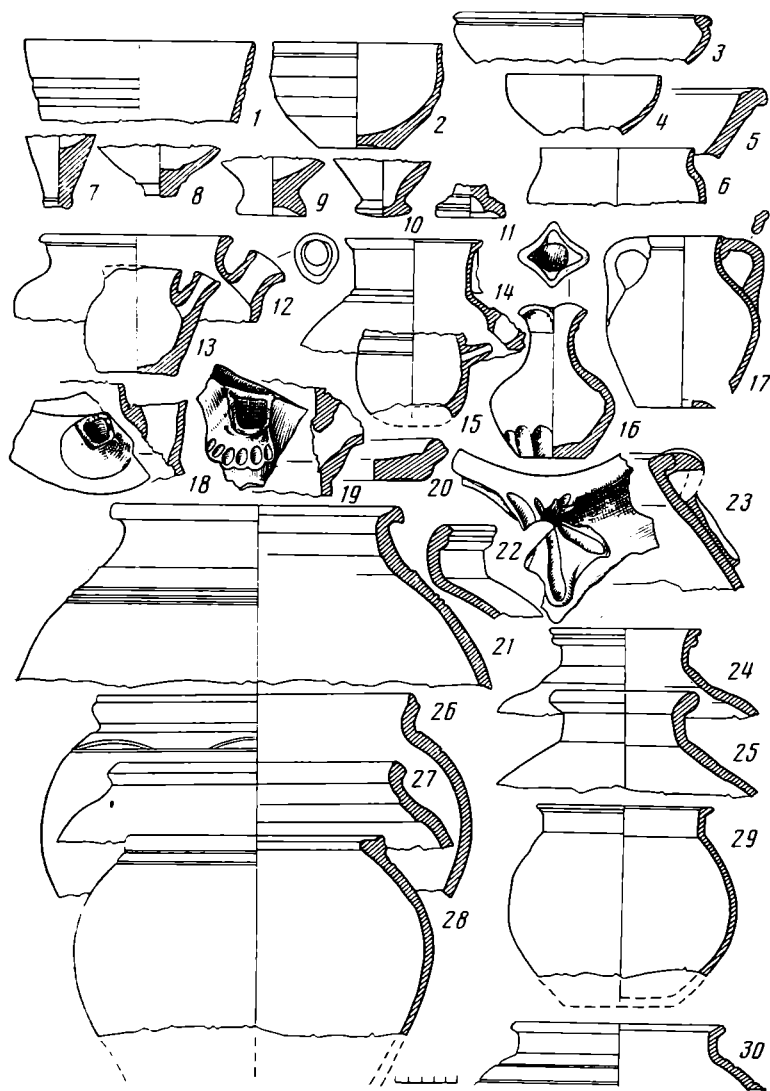

Рис. 11. Комплекс керамики горизонта Кмш V

Кмш V, хотя в нем есть и локальные отличия в профилировке в деталях. Данную датировку подтверждает также согдийская монета, найденная на верхнем полу одного из помещений. По определению Э. В. Ртвеладзе, это — дирхем VII — начала VIII в. Монета указывает на последнюю дату обживания здания.

Горизонт Кмш VI. Позднейший период Кмш VI охватывает верхний слой 1–1,5 м и включает грубоватую глазурованную и безглазурную керамику XIX в. Он, очевидно, связан с разрастанием в эту пору кишлака Кумышкент.

Изучение стратиграфии Кумышкент-тепе во многом восполняет и уточняет хронологическую колонку древней керамики самаркандского Согда. Она охватывает широкий диапазон — с IV в. до н. э. до VI–VII вв. н. э., причем в слоях Кмш II–IV дает ведущие типы посудных форм времени ранней, развитой и поздней античности и их эволюции.

Что касается назначения Кумышкент-тепе, то до производства широких послойных раскопок по выявленным хронологическим горизонтам вопрос этот остается открытым. Несомненно одно: здесь располагались строения монументальной архитектуры на протяжении свыше тысячелетия. В этой связи возникает одно предположение. Абу Райхан Бируни (XI в), повествуя о древних домусульманских годовых празднествах у согдийцев, сообщает, что в третий день месяца Маж-х-ида они отмечают «праздник Киш-мин, когда происходят торжища в деревне „Камажикет“» [28, с. 254]. Обращает на себя внимание сходство названий Камажикет

и Кумышкент. Многовековое же существование столь монументального архитектурного комплекса близ небольшого селения, остатки которого фиксируются у его подножья, может быть объяснено тем, что это был чтимый культовый комплекс с главным храмом и обширным храмовым хозяйством. К нему приходили на поклонение в день праздника Кишман. Рядом устраивали торжище, куда стекалось население самаркандского Согда, а может быть, и из других областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм // СА. 1964. № 3.
2. Немцов Н. Б. К стратиграфии южной окраины городища Афраснаб // Афраснаб. Вып. I. Ташкент, 1969.
3. Филиппович М. П. К характеристике древнейшего поселения на Афраснабе // Афраснаб. Ташкент, 1969. Вып. I.
4. Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афраснаба // Афраснаб. Ташкент, 1969. Вып. I.
5. Шишкина Г. В. О местонахождении Мараканды // СА. 1969. № 1.
6. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афраснаб // Афраснаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
7. Шишкин Г. А. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афраснаб II) // Афраснаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
8. Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афраснаба // СА. 1975. № 2.
9. Вяткин В. Л. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Самарканд, 1902.
10. Пугаченкова Г. А. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года // ОНУз. 1963. № 4.
11. Пугаченкова Г. А. К разведке античных памятников Согдианы // ОНУз. 1965. № 7.
12. Жуков В. Л. Материалы к изучению Баш-тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса // Тр. ИИА АН УзССР. 1956. Вып. VIII.
13. Крашенинникова Н. И. Разрез крепостной стены древнего Кеша // ОНУз. 1968. № 8.
14. Сулейманов Р. Х., Турабеков М. Этапы развития фортификационной системы Еркургана // ИМКУз. 1978. Вып. 14.
15. Турабеков М. Цитадель Еркургана // ИМКУз. 1982. Вып. 17.
16. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе, кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
17. Мандельштам А. М. Хан-Газа // Археологические работы в Таджикистане. Вып. VII. Душанбе, 1961.
18. Fouilles d'Ai Khanoum // Mémoires de la Délégation Française archéologique en Afghanistan. 1973. T. XXI.
19. Gardin J. C., Lyonnet B. La prospection archéologique de la Bactriane Orientale (1978—1980); premiers résultats // Mesopotamia. 1978—1979. XIII/XIV.
20. Пугаченкова Г. А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 3. М.: Наука, 1984.
21. Пугаченкова Г. А. Жига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. 2. М.: Наука, 1979.
22. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы городской культуры Ташкенского оазиса. Ташкент: Фан, 1982.
23. Бентович И. Б. Керамика Пенджикента // МИА, 1951. № 37.
24. Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.) // МИА. 1958. № 66.
25. Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.) // МИА. 1964. № 124.
26. Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1966—1967 гг. // МИА. 1964. № 124.
27. Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУз. 1961. Вып. 2.
28. Бируни Абурейхан. Памятники минувших дней // Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.

G. A. Pugachenkova, T. V. Belyaeva

STRATIGRAPHY OF KUMYSHKENT-TEPE

Summary

The authors publish materials from Kumyshkent-tepe in Sogdiana. They investigated the settlement stratigraphically and obtained a considerable amount of pottery of the 4th century B. C.—6th-7th centuries A. D.